

Невзоров Сергей Геннадьевич

кандидат исторических наук,
подполковник запаса, доцент

Военный учебный центр
имени дважды Героя Советского Союза
генерал-полковника А. И. Родимцева
при Оренбургском
государственном университете
(Оренбург, Россия)

E-mail: sg-nevzorov@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-9974-2773

ФЕНОМЕН ПОДВИГА В ПРОСТРАНСТВЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

В 2020 году такое социальное явление, как подвиг, по сути, становится в Российской Федерации конституционной ценностью. Соответственно, данный феномен нуждается в глубоком, комплексном, всестороннем осмыслении, поскольку, на наш взгляд, научная мысль в данном вопросе явно отстает от принятия политических решений. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать феномен подвига в гуманитарной науке, осмыслить его индивидуальные и коллективные основания, роль и место среди таких философских категорий, как «коллективный поступок» и «героизм». Исследование сущности подвига направлено на осознание данного явления как масштабного социального феномена, оставляющего глубокий след в коллективной и исторической памяти населения, и позволяющего преодолевать многие современные угрозы.

Ключевые слова: коллективный подвиг, подвиг, героизм, военно-мемориальное наследие, духовно-нравственные ценности

Для цитирования: Невзоров, С. Г. Феномен подвига в пространстве гуманитарного знания / С. Г. Невзоров // Вестник культуры и искусств. — 2026. — № 2 (86). — С. 84–97.

Nevzorov Sergey G.

Candidat of Historical Sciences,
Reserve Lieutenant Colonel,
Associate Professor

Military Training Center
named after Twice Hero
of the Soviet Union Colonel-General
A. I. Rodimtsev at the Orenburg State
University (Orenburg, Russia)

E-mail: sg-nevzorov@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-9974-2773

Deed Phenomenon in The Space of Humanities Knowledge

In 2020 such social phenomenon as deed becomes of constitutional value in the Russian Federation. Consequently, this phenomenon is in need of thorough, complex, all-sided research and understanding as, in our opinion, it lags behind from taking any political decisions. The

author of the given article attempts to analyze the phenomenon of deed in human sciences, to fully comprehend its individual and collective grounds, role and place among such philosophical categories as “collective actions” and “heroism”. Research of the deed’s essence is directed at the understanding of this phenomenon as the large scaled one which has left a deep mark in collective and historical memory of the population and allowed to cope with many modern threats.

Keywords: collective deed, deed, heroism, military-memorial heritage, moral and spiritual values

For citing: Nevzorov S. G. 2026. The phenomenon of feats in space humanitarian knowledge. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 2 (86): 84–97. (In Russ.).

Постановка проблемы, методология статьи

Принятие в 2020 г. части 3 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, закрепившей обязанность государства по защите «подвига народа», определило на уровне основ конституционного строя особый статус подвига. В этом контексте феномен перестаёт быть только оттиском исторического процесса и предстаёт как устойчивый культурный код, структурирующий символическое пространство российского государства и ценностные ориентиры общества. Вместе с тем, явление подвига не получило, на наш взгляд, адекватного научно-теоретического осмысления в трудах ученых и нуждается в изучении. Актуализирует это направление исследований постоянные попытки деконструкции его внутренних и внешних структурных элементов, как со стороны различных зарубежных институций, так и со стороны субъектов, находящихся внутри Российской Федерации.

Культурологического анализа требуют различные аспекты феномена, такие как несформированность понятийного аппарата, отличие от индивидуального подвига, внутренняя структура, попытки деконструкции феномена и многие другие. Вместе с тем, в рамках настоящей научной статьи подвергнута анализу представленность явления в пространстве гуманитарных наук. Цель настоящего исследования состоит в осмыслении феномена подвига в трудах ученых, а конкретно, векторы его интерпретации, причины сохранения в памяти населения, свидетельства представленности и перспективы использования в культуре. Источниковую основу составляют научные публикации, отражающие различные способы репрезентации феномена подвига.

Методологической основой настоящего исследования выступили труды В. А. Рубина, И. В. Леонова, А. А. Хлевова, И. В. Кириллова, С. Б. Синецкого. В частности, В. А. Рубин, исследуя этапы создания и функционирования военно-мемориальных объектов, утверждает, что поиск причины мемориализации, в большинстве своем, связан с подвигами граждан, групп людей, целых народов [28, с. 32; 29, с. 37–49]. И. В. Леонов, А. А. Хлевова, И. В. Кириллов в своих исследованиях анализируют, как подвиги защитников Отечества интерпретируются в современной социокультурной среде, как следы ушедших событий войн и военных конфликтов обретают статус колоссального авторитета в глазах потомков [18, с. 198; 19, с. 273]. Для нашего исследования важна концептуальная позиция С. Б. Синецкого о том, что необходимо учитывать возможность использования прошлого, в том числе масштабных исторических событий (в нашем случае — коллективного подвига), при планировании будущего [30].

Теоретико-понятийные основы: коллективный поступок в структуре понятия подвига

В отечественной культуре одно из первых разъяснений, что есть подвиг, дал Памво Берында — лексикограф, поэт, переводчик религиозной литературы (1560–1632). В своем «Лексиконе Словеноросском», изданном в Киеве в 1627 г., он указал, что подвиг это «страдание», «гонитва», «старанье», «тружение», «тяжкость» [3]. Известный отечественный славист Измаил Иванович Срезневский включил слово «подвиг» в свой труд «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Дана следующая

трактовка «подвигу»: 1) подвиг есть движение: без подвига — без движения, без перемен (ссылка на «Изборник Святослава 1073 г.»); 2) подвиг — стремление, старание (Житие Ниф. XIII в.); 3) подвиг — борьба, сильное утомление (Лук. XXII; Остромирово Евангелие, 1119); 4) подвиг — великое и трудное дело (ссылка на церковно-литературные памятники XII–XV вв.) [33, ст. 1031–1032].

В 1939 г. под редакцией профессора Д. Н. Ушакова вышел «Толковый словарь русского языка». В 3-м томе дано следующее определение подвига — «доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях. Героический подвиг красноармейцев в боях с японскими самураями. Военные подвиги. Гражданский подвиг. Подвиг ученого; беззаветный, бескорыстный поступок, вызванный чем-нибудь (книжн.). Подвиг любви [26, стб. 369]. «Советская военная энциклопедия» издания 1978 года зафиксировала, что «подвиг — героический, самоотверженный, беззаветный поступок человека, группы людей, народа в целом; важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях» [31, с. 373].

Вышедшая в 2002 г. «Военная энциклопедия» расширила трактовку подвига: «Подвиг — акт героизма, самоотверженный беззаветный поступок, важные по своему значению действия человека, группы людей, народа, совершенное в трудных условиях во имя высоких целей. Различают трудовой, научный, гражданский, воинский (ратный) подвиг. В любом случае речь идет об исключительных поступках, которые являются не инстинктивной реакцией людей на чрезвычайные обстоятельства, а проявление их гражданственности, высокого морального духа и чувства долга, несгибаемой воли. Подвиги олицетворяются и запечатляются в народной памяти в образах национальных героев, кристаллизуются в боевых традициях; пропагандируются в процессе военно-патриотического воспитания, культивируются системой морального и материального поощрения героев» [27, с. 431]. Большой академический словарь русского языка под подвигом понимает следующее: «Подвиг — героический поступок,

совершенный в опасных условиях, связанный с риском» [4, ст. 466–467].

Следовательно, подвиг в дореволюционный период рассматривался как подвижничество, в советское и постсоветское время — как героический поступок человека, группы людей, народа, совершенный на военном, либо гражданском поприще, как следствие героизма. Отметим, что коллективный подвиг рассматривается как структурная дефиниция понятия «подвига».

Философский взгляд на подвиг в XIX–XX вв.

Философская мысль России конца XIX – начала XX вв. рассматривала феномен подвига с различных позиций, которая определялась философской школой. Так, например, крупный социолог П. Сорокин рассматривал подвиг (героический поступок) как акт, являвшийся «желательным» для общества. Общество, в свою очередь, накопило целую систему «наград». На первое место социолог ставил «награды» моральные, которые индивидуум воспринимает как особое «психическое переживание». «Система наград» направляет членов общества на путь «полезного» поведения, на свершение «услужливых актов» [32, с. 139].

Известный русский религиозный философ С. Н. Булгаков, осмысливая опыт революции 1905–1907 гг., увидел ту «готовность к жертве», которая была присуща тем, кто жаждал освободить народ, направить страну на прогрессивный путь развития. Но коннотация героизма, героических поступков у С. Н. Булгакова отнюдь не позитивная. Образцом подвига у философа выступает феномен христианского подвижничества [6, с. 105–138]. Те подвижники вошли в христианскую мораль героическими проявлениями, которые подталкивали личность на путь нравственного и духовного становления [6, с. 105]. «Революционные подвиги», по Булгакову, порождают лишь ненависть и разрушение, они — проявление «ложного героизма, в основе которого лежит не собирающее, а разъединяющее начало. Не это нужно России. России нужны такие подвижники, которые готовы к созидательной работе на

благо национального дела, а это возможно при условии повседневного, неослабного постоянства «малых дел» (освященных смирением и максимализмом в требованиях, предъявляемых самому себе)» [6, с. 136]. Подвиг по Булгакову — это обладание исторической трезвостью, в наличии самообладания, выдержки. Только так приходит осознание почвенности, чувства связи с прошлым, образуется связь между поколениями.

Философы, стоявшие на платформе марксизма, отстаивали мысль о том, что подвиг — это высший акт служения великим общественным нуждам своего времени. Активное развитие этой мысли приходится на расцвет марксистско-ленинской этики. Был выдвинут постулат: подвиг, выдающийся поступок, проникнут внутренним содержанием — борьбой за интересы пролетариата. Подвиг в этом случае выступает критерием героизма [38, с. 29].

В 1973 г. учеными Ростовского государственного педагогического института был подготовлен сборник статей, озаглавленный «Теоретические проблемы героизма трудящихся (опыт исследования)» [35]. Авторы сборника подошли к проблеме проявлений героизма с различных сторон. Так, Б. Д. Муранов проследил наличие связей между социальными факторами и биологическими предпосылками возникновения героизма [22, с. 3–13]. Автор доказывает следующее: героизм в качестве социального явления возникает вместе с формированием общества и может иметь индивидуальную, коллективную и массовую формы выражения. Биологизация данного общественного явления наносит вред научному пониманию проблемы. Б. Д. Муранов подчеркивал, что героические действия и поступки людей, в отличие от животного, характеризуются сознательной оценкой сложившейся ситуации. Самопожертвование становится у человека необходимостью, когда нет другого пути для исполнения общественного долга.

В указанном сборнике проанализирована работа В. Н. Песенко «Некоторые особенности социальной детерминации героизма (опыт исследования)» [25, с. 21–34]. Представленный «опыт» основан на марксистской методологии о том, что соотношение двух основных элемен-

тов производительных сил — материальных и духовных, — определяет тип общества [25, с. 21]. Автор оперировал понятием «духовные производительные силы», понимая под ними объем физических и умственных потенций производителей, который непосредственно опредмечивается в процессе общественного производства. Субъектом героического действия названы народ, класс, индивид. Исследователем доказывалось, что для превращения возможности в действительность нужны полное напряжение духовных и физических сил и, в зависимости от характера и степени сложности разрешаемых противоречий, смелость, храбрость, бесстрашие, мужество, стойкость, вплоть до самопожертвования [25, с. 22].

Г. М. Лаврова, рассуждая о понятии «героический идеал» рабочего класса, подводит эстетическую основу под героические подвиги, поскольку последние вызывают восхищение и переживание чувства возвышенного. Этическая составляющая подвига проявляется в том, что в героических подвигах проявляются высшие моральные качества в высшем их значении — долг, честность, патриотизм, убежденность в правильности избранной цели, принципиальность, самоотверженность [16, с. 34–41].

В работе Г. П. Белоконева речь шла о гносеологическом аспекте и социальном понятии «военный героизм» [1, с. 49–65]. Авторская формулировка категории «военно-героическая деятельность» такова: это особое социальное отношение, которое реализуясь в военной практике, утверждает или защищает гуманистические, прогрессивные идеалы, потребности и формы общественной жизни [1, с. 55]. Военные подвиги как проявление военного героизма по утверждению автора проявляются в тех условиях вооруженной борьбы, где складываются крайне острые, трудно разрешимые противоречия. В качестве подтверждения приведены примеры того, как в Великую Отечественную войну многие воины Советских Вооруженных Сил, защищая свое Отечество, жертвуя собой, бросались со связками гранат на вражеские танки [1, с. 56–57].

Темы подвига и героизма в советский период активно использовались в идеологиче-

ской работе с молодежью. Особое внимание уделялось освещению нравственно-психологического содержания героического поведения личности в социалистическом обществе [5; 17; 24]. Подвиг, героическое поведение в нравственно-психологическом разрезе характеризовались как «органический сплав помысла и дела, убеждения и поступка, способность практически до конца отстаивать свое стремление построить реальность по желаемому образцу в интересах своего класса, народа, руководствуясь принципами гуманизма» [17, с. 20–21]. Подвиг в «этических беседах для молодежи» представлял как единство помысла и дела, а достигнуть этого «единства» можно только осознав принадлежность к классу, народу, а также поняв свою значимость и значительность как члена общества [17, с. 21].

Авторитетом для авторов политико-пропагандистских работ выступал доктор философских наук, профессор Ростовского государственного педагогического института И. М. Сушков, который доказывал: «Неистребимый оптимизм героя базируется на сознании долга перед народом, трудящимися, выполнить который «больше некому» [34, с. 53–54]. Не отрицалось наличие в героических поступках, героическом поведении нравственно-психологической основы, в том числе развитой способности человека регулировать свое поведение. Оговаривалось, что «...героизм не выступает результатом какой-то особой регуляции поведения людей, следования каким-то нормам, стоящим особняком по сравнению с теми, по которым совершается будничная жизнь. Это либо те же нормы, выполненные на пределе сил, либо выраженная в идеале часть социальных предписаний» [17, с. 23].

Внутренней пружиной героического названо единство разума и чувств в действиях личности. Это распространялось на подвиг-прорыв, когда человек совершая его, вроде бы и подумав не успел. Подвиг трактовался как проявление самоотверженности, но человек, совершивший его, не должен восприниматься как жертва: совершая подвиг, человек забывает себя, но, тем не менее, именно в подвиге он предстает во всей своей силе и красоте [17, с. 23]. Субъективная сторона героического поведения — затрачи-

ваемые усилия, проявляемые личностные качества должны в общем и целом соответствовать объективной стороне: характеру поставленных жизнью проблем, природе реальных трудностей, которые преодолеваются. Перевес субъективной стороны над объективной чаще всего не дает героического поведения, — писала та же Т. С. Лапина [17, с. 25]. Классовый подход в исследовании природы подвига выдвигал на первое место «передовые общественные интересы», «единение личности с классом, народом, партией, страной», «служение гуманистическим идеалам».

А. А. Гусейнов в своей «Социальной природе нравственности» писал: «Как самый высокий образец нравственности подвиг играет роль стимула лучших человеческих поступков, выступает одушевленным призывом к людям, особенностью и одновременно сила регулятивной действительности героических примеров заключена в том, что их нормативный смысл выражен не в абстрактных предписаниях, а заключен в реальных человеческих деяниях. Очевидность взлетов человеческого духа не только изумляет людей, но и вселяет в них веру в собственные силы, развивает благодарность к людям — вершителям подвигов, которая сама по себе — стимул к нравственным исканиям и росту» [13, с. 10].

О феномене подвига, о формировании героического сознания речь идет в работе Д. А. Волкогонова «Феномен героизма», вышедшая в серии «Личность. Мораль. Воспитание» (1985) [9]. Первые страницы своего научно-популярного произведения автор посвятил критике «буржуазных теорий», «элит», «лидеров», «сильной руки», а также характеристике марксистско-ленинского понимания роли личности в истории. Д. А. Волкогонов поставил своей целью «проследить виды героических деяний», но вначале задался проблемой выявления сущности подвигов, истоков и механизмов проявления. Указав, что существует три подхода к сущности подвигов: 1) исключительный поступок; 2) самопожертвование во имя идеи; 3) высшая мера самоотверженности в выполнении человеком своего долга, автор считал, что подвиг — это сложный социальный, моральный и психологический феномен,

где на разных этапах выходит на первый план то одна, то другая сторона [9, с. 29].

Критика «буржуазного понимания подвига» состояла в том, что западные философы делали акцент на исключительности, необычности, неповторимости поступка. Критике подверглась такая психологическая основа героического подвига, как личная храбрость и иррациональность поведения, которые ставились во главу угла философами Запада. Марксизм же определял главное в определении сущности героического поступка с позиций того, что героическое — это всегда действие, преследующее общественно значимые цели [9, с. 34–35].

По мнению Д. А. Волкогонова, подвиг приобретает более высокий статус, если героем движут общественные мотивы, ставшие личными. Не отрицается и элемент честолюбия, который может служить мотивом мужественных поступков, но автор оговаривает наличие известных пределов — если честолюбие перетекает в тщеславие, то получаем ложный, показной героизм [9, с. 39]. Возвращаясь к механизму подвига, Д. А. Волкогонов после первого шага (осознание возможных последствий акта), указывает на второй — это формирование внутреннего решения, где определяются цели предстоящего поступка и средства ее достижения. Третий шаг — сознательное, сильное волевое действие: проявление всех духовных и физических сил и способностей для претворения своего решения в жизнь. В духовной стороне всегда доминируют морально-политические элементы, а в деятельно-практической — волевые процессы [9, с. 39].

Применительно к героическому акту у Волкогонова звучит следующее: его критерий вытекает из степени соответствия субъективных намерений, помыслов и поступков людей требованиям объективных законов. Суть подвига трактовалась Волкогоновым по Ф. Энгельсу, который определял его как «венец жизни», отданной людям [21, с. 115]. Подвиг — это выраженное героическое действие, где личность в полной форме проявляет все свои высшие возможности. Д. А. Волкогонов вычленяет из понятия «подвиг» «героизм порыва». Этот вид подвига более характерен для

военных условий. «Героизм порыва» наделен автором следующими характеристиками. Ему присущ разовый характер. Как правило, это единичный акт, индивидуальная форма героизма. Совершается в крайне сложных ситуациях. Героизм порыва — пример духовной кумуляции: высшего взлета мысли, предельного обострения моральных чувств, и крайней мобилизации воли [9, с. 73].

Философское осмысление поступков, которые могут быть приравнены к подвигу, дает Г. Л. Тульчинский — философ, методолог, культуролог. Поступки, в которых запечатлена самоотдача, есть проявление того, что «человеком движет осознанная им призванность, необходимость и долженствование совершения им вполне определенных поступков, причем речь идет не о каком-то внешнем «надо», которому подчиняется личность, не о выполнении «долга» в духе кантовского категорического императива. Подчинением внешнему «надо» усиливается отнюдь не ответственность совершаемых поступков, не их неслучайность и обязательность. Происходит другое. Как писал М. М. Бахтин, поступок в этом случае становится «неоправданно горд» [37, с. 139]. Г. Л. Тульчинский доказывает, что «благородные общественные цели» только тогда станут истинными, когда «станут внутренними, осознанными и принятыми личностью в качестве ее собственных». И далее — «идеалы и великие примеры героизма, на которых человека воспитывают по принципу «как надо», возникли и воплотились благодаря не внешнему «надо», а внутреннему «не могу иначе». «Надо» ориентирует на несамостоятельность, безынициативность: «надо, вот я и делаю». «Не могу иначе» ориентирует именно на самостоятельность, инициативу и ответственность [37, с. 140]. Г. Л. Тульчинский останавливается на таких понятиях, как «общественное сознание, общественное мнение», на идее социальной справедливости, на феноменологии советского сознания.

Отечественный историк философии, доктор философских наук Леонид Александрович Коган, прошедший фронт Великой Отечественной войны, оставил свои размышления о феномене подвига. Для философа подвиг — это

«совершенно определенный выбор в пользу добра... Попытка уклониться противоречила бы натуре этого человека (бросившегося спасать попавших в беду людей), его духовной сути, его совести. Внезапное и интуитивное, оно вытекает из логики его ума и характера, продолжая давнюю, скрытую от глаз, работу его духа; более того — подвиг является закономерным нравственным итогом всей предшествующей жизни. В этом отдельном, казалось бы, факте и в считанные, может быть, минуты, открывается и реализуется весь человек в общежизненной своей ретроспекции и перспективе» [14, с. 64].

Ценностно-смысловое содержание подвига: от коллективного акта служения высшим общественным идеалам к явлению русской культуры.

В постсоветский период тема феномена подвига не потеряла своей актуальности. Доказательством тому является следующий обзор диссертационных исследований.

В 2003 году исследователем Г. А. Кривошековой была защищена диссертация «Герои и героизм в культурно-историческом бытии народов Европы и России» [15]. Автором предпринят анализ концепций героизма в научно-философской литературе. Предметом исследования выбран герой как культурный феномен и героизм как уникальное проявление сущностных сил человека в экстремальных условиях. Автор дает следующее понимание общекультурной значимости подвига: эта значимость состоит в том, что через подвиг проявляется нравственная сущность человека-героя, утверждается ценность человеческой жизни и значимость для ее полноценного существования духовных ценностей [15, с. 13]. Подвиг выступает ярким и экстремальным способом объективизации героизма как нравственного величия личности. Бытие подвига обусловлено экстремальной (непредсказуемой, «внеповседневной») ситуацией, задевающей весь физический и духовный потенциал участвующего в ее разрешении (выход из нее) человека (группы людей), поэтому подвиг — это всегда прорыв, преодоление препятствий внутреннего и внешнего характера. Подвиг — это способ существования героизма, это и высшая оценка поступка личности.

Подвигом именуются и длительные героические усилия, требующие от человека высокой мотивации, усилий воли, самопожертвования, и даже вся жизнь человека, когда она наполнена героическими поступками или посвящена (целиком подчинена) служению общезначимому идеалу [15, с. 14].

Предметом исследования О. А. Дороховой [12] взят героический этос, личностным образцом которого выступает герой. Герой олицетворяет собой пример достойного поведения, совершенного в духовном и физическом плане человека. Для нас представляет интерес то, как автор подходит к проблеме, что есть основные ценностные качества героического этоса. Базовыми чертами героя названы смелость, мужество, бесстрашие, переходящие в самоотверженность и самопожертвование. Самопожертвование в героическом варианте представлено как пренебрежение личными интересами, потребностями вплоть до готовности отдать жизнь во имя блага других людей.

О. А. Дорохова подвергла анализу исторические характеристики героев и их подвигов. Античность показана через такого героя как Гектор. Именно поступки возводят его в ранг героя. У Гектора присутствует мотивация для совершения подвигов — это защита своего города и своего народа. Но в этот исторический период, судя по поэмам Гомера, подвиги не связаны с идеей самопожертвования. Следующая фигура у автора диссертации — героика эпохи Возрождения через произведение Джордано Бруно «О героическом энтузиазме». В отличие от героев Гомера, свершавших подвиги на военном поприще, у Дж. Бруно подвиг — это победа над своим страхом или врагом. Герой способен пожертвовать собственной жизнью не только ради защиты чести или защитить кого бы то ни было, но и ради защиты идеи, мысли. Далее О. А. Дорохова обращается к изображению героического в произведениях Т. Карлейля (1795–1881), в котором присутствует трагизм и парадоксальность героического. Заканчивается исследование параграфом «М. Горький о героическом в человеке». Символом горьковского героя является жертвенность во имя общей идеи.

В 2008 г. А. В. Трофимова защитила диссертацию на соискание ученой степени канди-

дата философских наук «Подвиг как явление русской культуры» [36]. Под подвигом автор понимает определенный целенаправленный героический поступок человека, преобразующий внешний мир. Подвиг направлен на изменение негативного хода развития человека к лучшему, это движение с целью искоренения негативного» [36, с. 3]. Национальное отечественное сознание сохранило связь между «подвигом», «подвижничеством» и «движением». Автор характеризует подвижничество как вид особых духовных упражнений, основанных на самоотречении и христианском самосовершенствовании, как утверждение высоких идеалов в самых неблагоприятных условиях, стойкое перенесение трудностей и способности на страдание, унижение, смирение, укрощение плоти и т. д.

Историю изучения подвига А. В. Трофимова относит к античности, где проблемы героизма, подвига волновала философов (Плутарх). Средние века дали фигуру Августина Блаженного, который считал, что подвиг это, прежде всего, жертвенность (путь Христа). Средневековая концепция подвига — это подвиг рыцаря. Возрождение дало работу Дж. Бруно «О героическом энтузиазме». Подвиг в ней рассматривался в эстетическом ракурсе. У Н. Макиавелли — политически-утилитарная концепция подвига. В Новое время под подвигом мог пониматься геройский акт нации, характера. Получили известность концепции Дж. Вико, Т. Карлейля, Г. В. Ф. Гегеля. В XIX в. подвиг у С. Кьеркегора рассматривали в этико-религиозном контексте. Ф. Ницше ожидал в атмосфере «эпохи без героя» появления Сверхчеловека как героя будущего [10; 11; 23]. Во второй половине XX в. К. Леви-Стросс и Э. Кассирер предложили мифологические концепции подвига и героизма. В. Я. Пропп, А. А. Потебня, Е. М. Мелетинский, А. Ф. Losev, А. А. Тахо-Годи дали свое понимание героических культур.

Понятийное ядро подвига у А. В. Трофимовой — комплекс ценностных и нравственных характеристик. Поступок станет подвигом только тогда, когда этот поступок будет иметь определенную ценностную и нравственную значимость для окружающих.

Автор проанализировал становление и эволюцию феномена «подвиг» в историко-культурном контексте. Отмечалось, что подвиг возможен только в обществе с высоко развитой культурой. Человеческий дух обретает простор в «золотые века» культуры. Античность — тот период, когда формировались понятия о «герое» и «героизме». Это отразилось в греческой классической философии. Средние века возвели в культ героического стремление и преодоление всего греховного. Подвиг — путь постоянного преодоления, что встает на пути человека в его приближении к «божественному началу». Этические и эстетические составляющие подвига преобладают в философской мысли Возрождения.

Философ XVIII в. Дж. Вико разделит исторический путь человечества на: «век героев», который сменился «веком людей» [7]. Г. В. Ф. Гегель считал, что еще до становления развитого государственно-правового строя существовал «век героя». Герой тогда совершал подвиги, движущей силой которых было совпадение индивидуальных порывов, личного дела, которое приобретало всеобщее значение [10]. Во второй половине XIX в. и на протяжении XX в. феномен подвига рассматривался представителями различных направлений философской мысли. Был замечен «перенос» подвига в сферу социальных и политических отношений, ученые занялись изучением ценностных оснований подвига, поиском внутренних связей социального и личностного.

А. В. Трофимова обратила внимание на полисемантизм идеи русского подвига. Опираясь на этимологические словари русского языка, подтверждена связь между словом «подвиг» и понятием «движение», а далее и с «подвижничеством», которое не замыкается только религиозной сутью. Культурные ассоциации иллюстрируются отсылкой к утверждению Н. К. Рериха: «следовало добавить еще одно слово — неперебиваемое, многозначительное русское слово “подвиг”. Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет слова хоть бы приблизительного значения» [Цит. по: 20, с. 10]. Русский подвиг связан с коллективизмом. Автор прослеживает, как идеи коллективизма в сути подвига понимались религиозными

философами, представителями славянофилов, поборниками марксизма, идеологами общества потребления. «Творческий подвиг» также исследуется через «подвижничество» со ссылкой на Н. А. Бердяева: «Творческий акт всегда есть освобождение и преодоление. В нем есть переживание силы» [2, с. 225].

Модель героической личности по-разному выстраивалась в отдельных культурологических школах. В мифологической школе классический герой универсален: герои национальных мифов схожи между собой и универсальна традиция их почитания. Теологическая культурология трактует человеческий подвиг как дар Бога. Основа подвига — защита добра от зла. Представители российской школы нравственной философии (конец XIX — начало XX вв.) делали акцент на проблеме героического волеизъявления. Позднее школа психоанализа занялась исследованием внутренней структуры героизма через бессознательные процессы («Я-идеал», «Сверх-Я»). Концепт героя моделируется с учетом времени, истории, субъекта. По Ж.-П. Сартру человек есть ряд его поступков. Автор выделяет культурно-символическую модель героев. Она выстраивается с посылом к архаическим психологическим структурам. Речь идет о менталитете, когнитивной сфере сознания, о нормах поведения, об архетипах коллективного сознательного, о стереотипах поведения людей. А. В. Трофимова делает вывод о том, что «подвиг как социально-культурное проявление менталитета отражает сверх личностные устойчивые ценности и нормы коллективного сознания человека» [36, с. 27].

Остановим свое внимание на статье, опубликованной в «Психологическом журнале» в 2022 г. [8, с. 30–40]. Т. П. Войтенко актуализирует обращение к теме подвига и героизма, трактуя их как культурно-исторические источники с тем посылом, что в современном социуме наблюдается процесс утраты ценностного отношения к данным феноменам.

Т. П. Войтенко отмечает, что «феномен подвига» не столь активно исследуется, нежели «феномен героического». Он считает, что нельзя проводить аналогию между понятием «подвиг» и понятием «героический поступок».

Они близки, но не тождественны. «Героизм» автор считает исторически связанным с пространством Запада, а «подвиг» для русской культуры национально специфичен.

Т. П. Войтенко определил в качестве главной задачи выявить различие и сходство феноменов подвига и героизма. Для достижения поставленной цели автор проследил ту изменчивость содержаний понятий «подвиг» и «героизм», которую проследил хронологически по эпохам: начиная от Гесиода заканчивая XX в. Изменения в содержании указанных понятий выявлены с помощью тех литературных и философских памятников, которые зафиксировали наполнение «героизма» и «подвига» в каждую из исторических эпох.

Для нас интерес представляет то, как исследователь прослеживает историческую динамику феномена подвига. «Подвиг» пришел в русскую культуру вместе с принятием христианства и смысл подвига состоял в подвижничестве, то есть деятельности по достижению нравственного совершенства в христианском понимании. Автор называет такой вид подвига индивидуально-психологическим. Опираясь на труды известного богослова, историка культуры, публициста В. А. Кожевникова (1852–1917), Т. П. Войтенко убеждает что «подвиг» как подвижничество был массовым для русского народа. В XIV–XV вв. понятие «подвиг» предполагало наличие мужества и храбрости. В XVIII в. на русской почве закрепилось понятие «героизм» [8, с. 32–33]. Автор предполагает, что сближение понятий «подвиг» и «героизм» пришлось на период Великой Отечественной войны. Истоки массового и повседневного подвига в 1941–1945 гг. исследователь видит «в формировании веками подвижническом складе русского характера» [8, с. 33]. Резюмирует автор следующим образом: подвиг возник на почве русской (православной) культуры. В нем доминирует процессуально-динамическая сторона, раскрывающаяся во внутреннем, индивидуально-психологическом плане.

Заключение

Подводя итоги исследованию, отметим, что до революции под подвигом понимался

акт, «желательный» для общества, образец христианского подвижничества; в советское время на первый план выходят иные идеи — «жертвенность во имя общей цели», «служение общественным идеалам». Подвиг начинают исследовать как многомерный феномен. В советский период считалось, что русский подвиг, связанный с общечеловеческими ценностями, отличается от западного подвига, для которого присущи «личная храбрость и иррациональность поведения». Подвиг изучался в сопоставлении с родственными понятиями: «героизм», «военный героизм» (Г. П. Белоконев), «героизм порыва» (Д. А. Волкогонов). Современный период исследований характе-

ризуется исследованием подвига в ценностном контексте. Внимание ученых обращено на героя как культурный феномен, героический этос, созидательно-преобразующую роль подвига. Различают воинский (ратный), трудовой, научный, гражданский подвиг. Однако, групповой, коллективный, массовый, народный, и даже транснациональный подвиг (например, подвиг стран антигитлеровской коалиции в победе над фашизмом) не получил отдельного научного освещения. Коллективный подвиг рассматривался в истории русской культуры, в основном, как структурная дефиниция понятия «подвига», как особый коллективный поступок в условиях проявления героизма, как следствие героизма.

Список литературы

1. Белоконев, Г. П. О гносеологическом аспекте и социальном содержании понятия «военный героизм» / Г. П. Белоконев // Теоретические проблемы героизма трудящихся (опыт исследования). — Ростов-на-Дону : Молот, 1973. — С. 49–65.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. — Москва : Правда, 1989. — 607 с.
3. Берында, П. Лексикон Славенноросский Памвы Берынды : [рукопись] / П. Берында. Список с печати (Киев, 1627). — СПб-МВ.
4. Большой академический словарь русского языка. Т. 17 : План — Подлечь / [редкол.: К. С. Горбачевич и др.]. — Москва ; Санкт-Петербург : Наука, 2011. — 670 с.
5. Бочаров, Г. Жизнь и миг / Г. Бочаров. — Москва : Молодая гвардия, 1974. — 160 с.
6. Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) / С. Н. Булгаков // Христианский социализм. Споры о судьбах России. — Новосибирск, 1991. — С. 105–138.
7. Вико, Д. Основания новой науки об общей природе наций / Д. Вико. — Киев, 1994. — 637 с.
8. Войтенко, Т. П. Подвиг и героизм как культурно-исторические феномены и их значение для психологической науки / Т. П. Войтенко // Психологический журнал. — 2022. — Т. 43, № 2. — С. 30–40.
9. Волкогонов, Д. А. Феномен героизма. О героях и героическом (серия «Личность. Мораль. Воспитание») / Д. А. Волкогонов. — Москва : Политиздат, 1985. — 263 с.
10. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по эстетике / Г. В. Ф. Гегель // Собрание сочинений : в 14 т. — Т. 12. — Москва : Наука, 2001. — 621 с.
11. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. — Москва : Мысль, 1990. — 524 с.
12. Дорохова, О. А. Героический этос в истории морали : автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. А. Дорохова. — Москва, 2005. — 20 с.
13. Гусейнов, А. А. Социальная природа нравственности / А. А. Гусейнов. — Москва : Изд-во МГУ, 1974. — 157 с.
14. Коган, Л. А. Вспоминая Великую Отечественную... / Л. А. Коган // Вопросы философии. — 1998. — № 4. — С. 64–74.
15. Кривошекова, Г. А. Герои и героизм в культурно-историческом бытии народов Европы и России : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. А. Кривошекова. — Тюмень : [б. и.], 2003. — 22 с.

16. Лаврова, Г. М. О понятии «героический идеал» рабочего класса / Г. М. Лаврова // Теоретические проблемы героизма трудящихся (опыт исследования). — Ростов-на-Дону : Молот, 1973. — С. 34–41.
17. Лапина, Т. С. Будничное и героическое в нашей жизни / Т. С. Лапина. — Москва : Знание, 1976. — 32 с.
18. Леонов, И. В. «Страдание» как форма бытования артефактов / И. В. Леонов, И. В. Кириллов // Ярославский педагогический вестник. — 2020. — № 1 (112). — С. 196–203.
19. Леонов, И. В. «Шрам» на военном артефакте как свидетель его биографии (с опорой на материалы Военно-артиллерийского музея) / И. В. Леонов, А. А. Хлевов, И. В. Кириллов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2023. — № 49. — С. 272–282.
20. Лихачёв, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачёв. — Москва : Сов. Россия, 1981. — 71 с.
21. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Т. 41 : Произведения и письма 1838–1842 гг. — Москва : Политиздат, 1974. — 688 с.
22. Муранов, Б. Д. О связи социальных факторов и биологических предпосылок возникновения героизма / Б. Д. Муранов // Теоретические проблемы героизма трудящихся (опыт исследования). — Ростов-на-Дону : Молот, 1973. — С. 3–13.
23. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ф. Ницше. Сочинения : в 2 т. — Т. I. — Москва : Мысль, 1997. — 829 с.
24. Пекелис, В. Твои возможности, человек! / В. Пекелис. — Москва : Знание, 1975. — 150 с.
25. Песенко, В. Н. Некоторые особенности социальной детерминации героизма (опыт исследования) / В. Н. Песенко // Теоретические проблемы героизма трудящихся (опыт исследования). — Ростов-на-Дону : Молот, 1973. — С. 21–34.
26. Подвиг // Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 (П–Ряшка). — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. — 712 с.
27. Рахимов, О. Х-А. Подвиг / О. Х-А. Рахимов // Военная энциклопедия : в 8 т. — Т. 6. — Москва : Воениздат, 2002. — 639 с.
28. Рубин, В. А. Военно-мемориальное наследие как ресурс российской культурной политики: теория, история, практика : автореф. дис. ... д-ра культурологии / В. А. Рубин. — Челябинск : [б. и.], 2021. — 40 с.
29. Рубин, В. А. Основные этапы создания и функционирования объектов военно-мемориального наследия / В. А. Рубин // Культура и искусство. — 2021. — № 1. — С. 37–49.
30. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего : монография / С. Б. Синецкий. — Челябинск : Энциклопедия, 2011. — 288 с.
31. Советская военная энциклопедия : в 8 т. / [редкол.]. — Т. 6. — Москва : Воениздат, 1978. — 672 с.
32. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. — Москва : Политиздат, 1992. — 542 с.
33. Срезневский, И. И. Материал для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. — Т. 2 (Л–П). — Санкт-Петербург : Тип. императорской академии наук, 1902. — Стб. 1031–1032.
34. Сушков, И. М. Героизм и героические традиции / И. М. Сушков. — Ростов-на-Дону : Ростов. кн. изд-во, 1969. — 299 с.
35. Теоретические проблемы героизма трудящихся (опыт исследования). — Ростов-на-Дону : Молот, 1973. — 103 с.
36. Трофимова, А. В. Подвиг как явление русской культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук / А. В. Трофимова. — Нижний Новгород, 2008. — 35 с.

37. Тульчинский, Г. Л. Разум, воля, успех. О философии поступка / Г. Л. Тульчинский. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. — 215 с.
38. Шестаков, В. П. Категории героизма в истории этики: к критике буржуазного понимания героизма / В. П. Шестаков // Вестник истории мировой культуры. — 1960. — № 2. — С. 16–30.

Получено 22.04.2026

References

1. Belokonev G. P. 1973. O gnoseologicheskom aspekte i sotsial'nom sodержanii ponyatiya «voennyi geroizm» [On the gnoseological aspect and social content of the concept of “military heroism”]. *Teoreticheskie problemy geroizma trudyashchikhsya (opyt issledovaniya)* [Theoretical problems of heroism of workers (research experience)]. Rostov-na-Donu: Molot. P. 49–65. (In Russ.).
2. Berdyaev N. A. 1989. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [Philosophy of freedom. The meaning of creativity]. Moscow: Pravda. 607 p. (In Russ.).
3. Berynda P. *Lexicon Slavenorosskii Pamvy Beryndy* [Lexicon Slavenorosskii by Pamva Berynda]. SRZ-MV. (In Russ.).
4. Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka [Great academic dictionary of the Russian language]. 2011. Vol. 17: Plan — Podlech'. Moscow, Saint-Petersburg: Nauka. 670 p. (In Russ.).
5. Bocharov G. 1974. *Zhizn' i mig* [Life and moment]. Moscow: Molodaya gvardiya. 160 p. (In Russ.).
6. Bulgakov S. N. 1991. Geroizm i podvizhnichestvo (iz razmyshlenii o religioznoi prirode russkoi intelligentsii) [Heroism and asceticism (from reflections on the religious nature of the Russian intelligentsia)]. *Khristianskii sotsializm. Spory o sud'bakh Rossii* [Christian socialism. Debates on the destinies of Russia]. Novosibirsk. Pp. 105–138. (In Russ.).
7. Viko D. 1994. *Osnovaniya novoi nauki ob obshchei prirode natsii* [Foundations of a new science on the general nature of nations]. Kiev. 637 p. (In Russ.).
8. Voitenko T. P. 2022. Podvig i geroizm kak kul'turno-istoricheskie fenomeny i ikh znachenie dlya psikhologicheskoi nauki [Heroism and heroics as cultural-historical phenomena and their significance for psychological science]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 43, No 2: 30–40. (In Russ.).
9. Volkogonov D. A. 1985. Fenomen geroizma. O geroyakh i geroicheskome (seriya «Lichnost'. Moral'. Vospitanie») [The phenomenon of heroism. On heroes and the heroic (series “Personality. Morality. Education”)]. Moscow: Politizdat. 263 p. (In Russ.).
10. Hegel G. W. F. 2001. *Lektsii po estetike* [Lectures on aesthetics]. *Sobranie sochinenii: v 14 t.* [Collected works: in 14 vols.]. Vol. 12. Moscow: Nauka. 621 p. (In Russ.).
11. Hegel G. W. F. 1990. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl'. 524 p. (In Russ.).
12. Dorokhova O. A. 2005. Geroicheskii etos v istorii morali [Heroic ethos in the history of morality]. Abstract of thesis. Moscow. 20 p. (In Russ.).
13. Guseinov A. A. 1974. *Sotsial'naya priroda npravstvennosti* [Social nature of morality]. Moscow: Izd-vo MGU. 157 p. (In Russ.).
14. Kogan L. A. 1998. *Vspominaya Velikuyu Otechestvennuyu...* [Remembering the Great Patriotic War...]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No 4: 64–74. (In Russ.).
15. Krivoshchekova G. A. 2003. Geroi i geroizm v kul'turno-istoricheskom bytii narodov Evropy i Rossii [Heroes and heroism in the cultural-historical existence of the peoples of Europe and Russia]. Abstract of thesis. Tyumen. 22 p. (In Russ.).
16. Lavrova G. M. 1973. O ponyatii «geroicheskii ideal» rabochego klassa [On the concept of the “heroic ideal” of the working class]. *Teoreticheskie problemy geroizma trudyashchikhsya (opyt issledovaniya)* [Theoretical problems of heroism of workers (research experience)]. Rostov-na-Donu: Molot. P. 34–41. (In Russ.).
17. Lapina T. S. 1976. *Budnichnoe i geroicheskoe v nashei zhizni* [The everyday and the heroic in our life]. Moscow: Znanie. 32 p. (In Russ.).

18. Leonov I. V., Kirillov I. V. 2020. «Stradanie» kak forma bytovaniya artefaktov [“Suffering” as a form of existence of artifacts]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*. No 1 (112): 196–203. (In Russ.).
19. Leonov I. V., Khlevov A. A., Kirillov I. V. 2023. «Shram» na voennom artefakte kak svidetel' ego biografii (s oporoi na materialy Voenno-artilleriiskogo muzeya) [“Scar” on a military artifact as a witness of its biography (based on materials from the Military Artillery Museum)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Art History]*. No 49. P. 272–282. (In Russ.).
20. Likhachev D. S. 1981. Zametki o russkom [Notes on the Russian]. Moscow: Sov. Rossiya. 71 p. (In Russ.).
21. Marx K., Engels F. 1974. Sochineniya [Works]. Vol. 41: Proizvedeniya i pis'ma 1838–1842 gg. [Works and letters 1838–1842]. Moscow: Politizdat. 688 p. (In Russ.).
22. Muranov B. D. 1973. O svyazi sotsial'nykh faktorov i biologicheskikh predposylok vozniknoveniya geroizma [On the connection of social factors and biological prerequisites for the emergence of heroism]. *Teoreticheskie problemy geroizma trudyashchikhsya (opyt issledovaniya) [Theoretical problems of heroism of workers (research experience)]*. Rostov-na-Donu: Molot. P. 3–13. (In Russ.).
23. Nietzsche F. 1997. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni [On the use and abuse of history for life]. Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vols.]. Vol. I. Moscow: Mysl'. 829 p. (In Russ.).
24. Pekelis V. 1975. Tvoi vozmozhnosti, chelovek! [Your possibilities, human!]. Moscow: Znanie. 150 p. (In Russ.).
25. Pesenko V. N. 1973. Nekotorye osobennosti sotsial'noi determinatsii geroizma (opyt issledovaniya) [Some features of the social determination of heroism (research experience)]. *Teoreticheskie problemy geroizma trudyashchikhsya (opyt issledovaniya) [Theoretical problems of heroism of workers (research experience)]*. Rostov-na-Donu: Molot. P. 21–34. (In Russ.).
26. Podvig [Heroic deed]. 1939. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols.]*. Vol. 3. Moscow: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei. 712 p. (In Russ.).
27. Rakhimov O. Kh-A. 2002. Podvig [Heroic deed]. Voennaya entsiklopediya: v 8 t. [Military encyclopedia: in 8 vols.]. Vol. 6. Moscow: Voenizdat. 639 p. (In Russ.).
28. Rubin V. A. 2021. Voenno-memorial'noe nasledie kak resurs rossiiskoi kul'turnoi politiki: teoriya, istoriya, praktika [Military-memorial heritage as a resource of Russian cultural policy: theory, history, practice]. Abstract of thesis. Chelyabinsk. 40 p. (In Russ.).
29. Rubin V. A. 2021. Osnovnye etapy sozdaniya i funktsionirovaniya ob»ektov voenno-memorial'nogo naslediya [Main stages of creation and functioning of military-memorial heritage objects]. *Kul'tura i iskusstvo [Culture and Art]*. No 1. P. 37–49. (In Russ.).
30. Sinetskii S. B. 2011. Kul'turnaya politika XXI veka: ot pretsedenta Istorii k proektu Budushchego [Cultural policy of the 21st century: from the precedent of History to the project of the Future]. Chelyabinsk: Entsiklopediya. 288 p. (In Russ.).
31. Sovetskaya voennaya entsiklopediya [Soviet military encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Voenizdat. 1978. 672 p. (In Russ.).
32. Sorokin P. A. 1992. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat. 542 p. (In Russ.).
33. Sreznevskii I. I. 1902. Material dlya slovara drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. Vol. 2. Saint-Petersburg: Tip. imperatorskoi akademii nauk. Col. 1031–1032. (In Russ.).
34. Sushkov I. M. 1969. Geroizm i geroicheskie traditsii [Heroism and heroic traditions]. Rostov-na-Donu: Rostov. kn. izd-vo. 299 p. (In Russ.).
35. Teoreticheskie problemy geroizma trudyashchikhsya (opyt issledovaniya) [Theoretical problems of heroism of workers (research experience)]. Rostov-na-Donu: Molot. 1973. 103 p. (In Russ.).
36. Trofimova A. V. 2008. Podvig kak yavlenie russkoi kul'tury [Heroic deed as a phenomenon of Russian culture]. Abstract of thesis. Nizhnii Novgorod. 35 p. (In Russ.).

37. Tul'chinskii G. L. 1990. Razum, volya, uspekh. O filosofii postupka [Reason, will, success. On the philosophy of action]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta. 215 p. (In Russ.).
38. Shestakov V. P. 1960. Kategorii geroizma v istorii etiki: k kritike burzhuaznogo ponimaniya geroizma [Categories of heroism in the history of ethics: towards a critique of the bourgeois understanding of heroism]. *Vestnik istorii mirovoi kul'tury* [Bulletin of the History of World Culture]. No 2: 16–30. (In Russ.).

Received 22.04.2026